

Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права

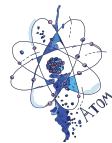
Василевская Людмила Юрьевна

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ

Abstract

Статья посвящена изучению нового объекта гражданских прав — токenu (цифровому праву). Исследуется вопрос о юридической природе, гражданско-правовом режиме цифровых прав. Анализируются нормы закона о понятии и содержании цифровых прав. Рассмотрение токена как цифрового способа фиксации имущественных прав дает возможность рассматривать его как некую имущественную ценность, правовой режим которой аналогичен «ценным правам» (Wertrechte), выделяемым в европейском континентальном праве германского типа. Сделан вывод, что токен выполняет в информационной системе несколько функций: 1) распознавание управомоченного лица; 2) цифровая единица цены доли участия лица в бизнес-проекте, в инвестировании строительства; 3) цифровая единица баланса актива имущества юридического лица; 4) цифровой аналог бездокументарных ценных бумаг; 5) исполнение денежного обязательства в цифровой форме; 6) цифровое средство платежа. Существовая в виде цифровой записи в регистре на блокчейн-платформе и выполняя разнообразные функции, токен как достаточно гибкий цифровой (прежде всего финансовый) инструмент дает возможность участникам цифрового гражданского оборота совершать в киберпространстве цифровые «сделки». Анализируется вопрос о возможности квалификации действий пользователей информационной системы по совершению трансакций с токенами в качестве гражданско-правовых сделок.

Keywords: токен, блокчейн, цифровые права, криптовалюта, объект гражданских прав, имущественные права, трансакция, майнинг, способ фиксации прав, отчуждение прав, имущественный оборот

18 марта 2019 г. был принят закон, формирующий базу для гражданско-правового регулирования отношений в киберпространстве¹. Речь идет о Федеральном законе 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и ст. 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»² (далее — закон, закон № 34-ФЗ) — так называемом законе о цифровых правах, который вызвал неоднозначную реакцию цивилистов в оценке понятия «цифровое право», его содержания и юридической природы³.

Прежде всего следует отметить, что речь идет о цифровых правах, возникновение которых связано с информационными системами, использующими блокчейн-технологии — программы (алгоритмы⁴) с децентрализованным хранилищем базы данных (англ. Data Warehouse) в цифровом формате. Речь идет о цифровой технологии распределенного реестра, в котором хранятся все записи (в виде цифровых кодов) проводимых операций (транзакций).

Регламентация в цифровой сфере становится в настоящее время одной из важнейших задач гражданского права как науки и как отрасли права. Сама идея о необходимости создания правовых основ для развития блокчейн-платформ и бизнес-IT-систем в гражданском обороте, бесспорно, должна быть поддержана.

Дадим правовую оценку новеллам ГК РФ.

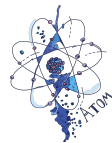
1. Первое, что бросается в глаза, — это внесение изменений в ст. 128 ГК РФ. До принятия рассматриваемого закона для любого грамотного юриста было ясно, что с точки зрения не только юридико-технической, но и сущностной была допущена грубейшая ошибка в перечислении предусмотренных в ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав, а именно: «иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права». Очевидно, законодателем были выведены из сферы имущественных прав

1. Киберпространство — способ существования цифровой материи, существующей в информационных системах, созданных человечеством. В отличие от известного нам трехмерного пространства как способа существования физической материи (объектов материального мира), киберпространство — способ существования цифровых знаков, символов и обозначений, их цифровых комбинаций и кодов, т. е. способ существования так называемой цифровой материи, виртуальной по своей сути и созданной благодаря IT-технологиям.

2. СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224

3. См. об этом подробнее: Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л. [и др.] Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 5. С. 16—30

4. Понятие алгоритма — одно из основных в программировании и информатике для обозначения последовательности команд в решении определенных задач.

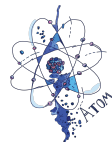
безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги, хотя они всегда признавались, как известно, по своей правовой природе имущественными правами.

Закон № 34-ФЗ исправил эту ошибку, зафиксировав: «иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права)». Как видим, к имущественным правам отнесены новые права — цифровые.

2. Что такое цифровые права и какова их юридическая природа? Известно, что в законопроекте № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — законопроект) цифровые права предлагалось определять как совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), существующих в децентрализованной информационной системе, информационные технологии и технические средства которой обеспечивают лицу, имеющему уникальный доступ к этому цифровому коду или обозначению, возможность в любой момент ознакомиться с описанием соответствующего объекта гражданских прав (см. п. 1 ст. 141.1 законопроекта).

В новой ст. 141.1 «Цифровые права» ГК РФ дана следующая дефиниция: «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам».

Исходя из определения понятия, можно сделать вывод, что законодатель использовал юридико-технический прием, суть которого — в конструировании нового объекта гражданских прав, ставшего возможным вследствие-смоделированного киберпространства и информационных систем. Известные нам имущественные права благодаря созданной информационной системе могут быть материализованы в электронной форме в виде совокупности данных — цифрового кода или обозначения. Таким образом, являясь идеальными по природе, они выражаются в материальной форме посредством символов, цифр, их комбинаций и сочетаний, программ ЭВМ, информационных систем, существующих на материальном носителе (современные средства хранения информации: Backup-системы — дискеты, USB-флешки, компакт-диски, компьютеры и пр.). Речь идет о переводе идеальных по своей юридической природе объектов

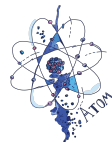
гражданских прав в цифровую форму. Имеются в виду права в киберпространстве, объективное существование которого стало возможным благодаря новым информационным системам, созданным человечеством. С онтологической точки зрения речь идет о виртуальном, т.е. «не существующем в физической действительности, но появляющемся благодаря программному обеспечению»⁵ мире, функционирующем по правилам логико-математических средств (алгоритмов) информационных систем. Следовательно, точки зрения элементарной логики нельзя рассматривать цифровые права в одной плоскости с известными нам и различными по своей юридической природе имущественными правами (обязательственными, корпоративными и др.). Возможность субстанционального существования новых прав только на цифровом, дигитальном уровне свидетельствует о появлении разнопорядковых понятий в гражданском законодательстве применительно к категории объекта гражданских прав. На наш взгляд, цифровизация прав приводит не к возникновению нового вида имущественных прав, существующему наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к их цифровому способу фиксации.

Однако с точки зрения гражданского права нам важны не различные физические характеристики объектов имущественного оборота, а их правовой режим. Искусственное внесение законодателем цифровых прав в перечень имущественных прав (ст. 128 ГК РФ), с одной стороны, чревато смешением их правовых режимов, а с другой — ставит проблему отграничения этих прав от иных имущественных прав по квалифицирующим признакам. Как справедливо отмечает С.А. Сеницын, моделирование нового типа субъективных прав должно отвечать критериям индивидуальности, требует фиксации определяющих характеристик (свойств) права⁶, чего законодателем сделано не было.

Вместе с тем появление цифровых прав в перечне объектов прав свидетельствует о новой тенденции в развитии гражданского оборота — его цифровизации. Проявление этой тенденции стало возможным благодаря новому подходу (к конструированию объектов прав), реализованному в применении информационных технологий при моделировании цифровых

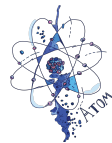
5. URL: <https://www.etymonline.com/word/virtual> (дата обращения: 09.03.2019).

6. См. об этом подробнее: Сеницын А. С. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 52.

инструментов (токены, майнинг, криптовалюта и др.), обеспечивающих оборотоспособность цифровых прав.

3. Возникает вопрос: почему законодатель для цифровизации избрал только имущественные права, а не вещи? Безусловно, как считают 11-специалисты, оцифровать можно любой объект. Дигитальный мир, в отличие от многообразия реального, физического мира, «беден», формализован и существует только в «цифре». Очевидно, для цифровизации законодатель избрал такие объекты гражданских прав, которые обладают не индивидуальноопределенной характеристикой, а той, которую в виде цифрового кода может понять каждый участник бизнес-сети, функционирующей на блокчейн-платформе. Любую индивидуально-определенную вещь можно «перевести в цифру», но цифровой код вещи не сможет передать ее уникальные характеристики, особенности, которые определяют ее ценность и, соответственно, стоимость. Таким образом, трудно посредством цифрового обозначения передать свойства вещи, предлагаемой для продажи другим участникам системы, не контактирующим физически между собой. Поэтому для цифровизации как нельзя лучше подходят права, по цифровому коду которых несложно выяснить, о каких конкретно правах идет речь — об обязательственных или, к примеру, корпоративных. Кроме того, каждое субъективное гражданское право представлено определенным набором родовых и видовых признаков, проявляемых в совокупности правомочий, выделение которых происходит безотносительно к характеристике вещей. Понятно, почему объектом цифровизации становятся прежде всего активы и пассивы имущества юридических лиц, доли участников в уставном капитале ООО, бездокументарные акции и пр. Коммерческий интерес имеют объекты с их количественными характеристиками. Речь идет прежде всего о показателях финансового состояния юридического лица, реальной стоимости его имущества, об особом способе фиксации прав требования уплаты определенной денежной суммы (бездокументарные ценные бумаги) и др. Цифровизация этих объектов в случае их отчуждения означает учет их цены как количественного показателя (измерения) денежной суммы, уплачиваемой участником информационной системы в виде совершаемого действия — транзакции по переводу криптовалюты⁷ первоначальному правообладателю соответствующего приобретаемого объекта.

Объект в «цифре» существует в виде токена (Token), который рассматривается, с одной стороны, как цифровой код объекта, а с другой — как цифровой ключ, по которому системе удастся определить «владельца» токена. Цифровой ключ позволяет идентифицировать «своего» пользователя системы с целью допуска к токену для совершения с ним транзакций, а также дает команду системе для блокировки действий «чужого» лица с токеном. Таким образом, он выполняет в информационной системе функцию распознавания управомоченного лица.

Вместе с тем в токене закодирована и цена объекта. Используя токен в качестве товара, пользователи системы вправе совершать транзакции по его оплате посредством криптовалюты как цифровой единицы расчета в блокчейн-системе. Именно поэтому токен в бизнес-сети выступает прежде всего:

1) цифровой единицей цены:

а) доли участия лица в каком-либо бизнес-проекте; доли участника в уставном капитале общества; доли участия в инвестировании строительства, выполнении работ, оказании услуг и т.п.;

б) баланса актива или пассива имущества юридического лица или предприятия как имущественного комплекса и проч.;

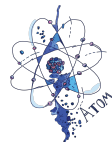
2) цифровым ценовым аналогом бездокументарных ценных бумаг;

3) цифровым ценовым аналогом иных объектов гражданских прав.

Кроме того, токен может выполнять и функцию цифрового денежного знака. В этом случае он рассматривается как криптовалютный токен, т.е. как средство платежа, который можно обменять на иные цифровые объекты, или оплатить им (через транзакцию) предоставление в реальной действительности определенного товара, выполнение работ или оказание услуг. В последнем своем значении токен реализует функцию исполнения денежного обязательства за уже предоставленные товары, выполненные работы и оказанные услуги либо дает право на их получение. Или приведем другой пример. Отчуждение криптовалютного токена как цифрового аналога доли в уставном капитале ООО дает право пользователю системы на участие в корпорации.

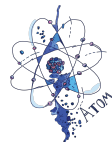
Таким образом, существуя в виде цифровой записи в регистре на блокчейн-платформе и выполняя разнообразные функции,

7. Криптовалюта — цифровая денежная единица (биткоин — Bitcoin; эфириум — Ethereum и др.), используемая для расчетов в информационной системе на платформе блокчейн

токен как достаточно гибкий цифровой (прежде всего финансовый) инструмент дает возможность участникам цифрового гражданского оборота совершать в киберпространстве определенные (цифровые) действия (транзакции), прежде всего цифровые «сделки». В экономической литературе, как правило, речь идет о так называемых сделках купли-продажи токена, совершаемых в информационной системе посредством транзакций. Очевидно, объектом «купи-продажи» в этом случае может выступать любое имущественное право, в том числе и вещное, поскольку «цифровка» права — чисто техническая проблема. Например, если «токенизировать» вещное право, то «цифровая» сделка будет наглядным актом признания отрицаемой нашим гражданским законодательством (но не доктриной!) конструкции «право на право». Но в любом случае, пока законодатель не оценил значение «удостоверенного» блокчейн-системой «квазисделочного» акта, не придав ему силу правообразующего, правоизменяющего или правопрекращающего юридического факта, мы не можем говорить о новых видах гражданско-правовых сделок в киберпространстве. Это — во-первых. Во-вторых, что касается конструкции «право на право», то, на наш взгляд, этот вопрос требует более пристального внимания со стороны законодателя. Если решение проблемы (легализация на законодательном уровне конструкции «вещное право на право» или ее отрицание) видится с учетом богатейшего цивилистического наследия России и европейских стран с правопорядком германского типа, то для цифровых прав следует предусмотреть особый гражданско-правовой режим, несовместимый с вещно-правовым режимом. Это означает, что цифровизация не должна распространяться на вещные права, поскольку они, как и любые другие имущественные права, не могут быть объектом вещного права, кроме индивидуально-определенных вещей и вещей, определенных родовыми признаками, после их индивидуализации. Поэтому суждениям авторов, оправдывающих распространение режима вещей на нематериальные блага (права требования, бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства), следует давать критическую оценку, хотя, как отмечалось, в киберпространстве допустим отход от классических канонов вещного права и признание конструкции «право на право».

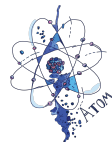
4. Возникает вопрос: объектом каких гражданских прав могут выступать цифровые права? «Перевод» обязательственных и

иных прав в цифровые права означает, с одной стороны, не что иное, как отрыв дигитальных прав от своего носителя — конкретного объекта гражданских прав. С другой стороны, понимание цифровых прав как прав обязательственных и иных прав, названных в таком качестве в законе, определяемых в соответствии с правилами информационной системы (ст. 141.1 ГК РФ) и выделяемых как самостоятельные права наряду с обязательственными и иными правами (ст. 128 ГК РФ), дает возможность толкования этих прав как цифровых прав на обязательственные и иные имущественные права, т.е. трактовки их как «прав на права». На наш взгляд, такого истолкования можно было бы избежать в случае понимания этих прав как цифрового способа фиксации имущественных прав и распространения на них механизма цессии, отчуждения указанных прав.

Безусловно, цифровой способ фиксации ставит новые проблемы, связанные с охраной интересов пользователей системы (управомоченных лиц), в том числе и с их изменением при цессии цифровых прав, оформляемых в виде особого «трансферта» — фиксации цифровых прав в реестре блокчейн-системы за ее новым пользователем. В этой связи законодателю предстоит продумать систему мер по доказыванию закрепления или передачи цифровых прав, особенно для третьих лиц, например для должников (при цессии), не являющихся участниками информационной системы.

Анонимность участников цифровой «сделки», «удаленность» цифрового права от своего носителя — материального (нематериального) блага, отсутствие юридически значимых (физических) действий, совершаемых участниками оборота — все это свидетельствует о том, что цифровое право как объект цифрового оборота с позиций классического гражданского права не может рассматриваться как субъективное гражданское право, а именно как мера юридически возможного поведения, призванная удовлетворять собственные интересы управомоченного лица. Любое субъективное право — это те конкретные юридические возможности, которые возникают на основе и в пределах права объективного. В информационной системе все «действия» участника сведены к транзакции — цифровому запрограммированному алгоритму, выражающему согласие пользователя системы на совершение цифровой «сделки». Видимо, в этом случае с определенной долей условности допустимо говорить о «цифровом» волеизъявлении в

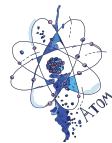
форме «блокчейн-действия участника информационной системы. Очевидно, в цифровой среде сложно заявлять о мере юридически возможного поведения (как субъективного гражданского права), поскольку в информационной системе все алгоритмизировано.

Следовательно, на наш взгляд, речь должна идти о цифровых правах как об условном понятии в гражданском законодательстве, призванном в условиях информатизации экономики «обслуживать» гражданский оборот, а с другой стороны, цифровизация имущественного оборота диктует необходимость создания объективного цифрового права в виде системы юридических норм, направленных на урегулирование соответствующих отношений.

Вместе с тем вовлеченность цифровых прав в имущественный оборот дает возможность рассматривать эти права как некую имущественную ценность, правовой режим которой аналогичен «ценным правам» (Wertrechte), выделяемым в европейском континентальном праве германского типа⁸ (Германия, Австрия, Швейцария). Эти «ценные права» определяются как Bucheffekten («учетные эффекты»), регистрируются в реестре на счете (Effektenkonto) приобретателя прав и имеют правовой режим, во многом схожий с режимом бездокументарных ценных бумаг (фондовых ценных бумаг). Полагаем, в российском законодательстве можно было бы предусмотреть режим цифровых прав, схожий с режимом указанных «ценных прав»: учет в открытом реестре на блокчейн-платформе, предусматривающей алгоритм перехода цифровых прав, аналогичный переходу прав по бездокументарной ценной бумаге.

5. Если осуществление цифровых прав и распоряжение ими, а также управление базами данных происходит без оператора системы, то возникает вопрос: кто будет контролировать функционирование системы? Кто будет отвечать за достоверность совершаемых в системе транзакций, за сохранность баз данных в системе и их обработку? Известно, например, что обращение такой криптовалюты, как биткоин, осуществляется без оператора; следствием функционирования открытого реестра является отсутствие не только надлежащей защиты баз данных, но и возможность нарушения такого нематериального блага, как неприкосновенность частной жизни.

8. «Ценные права» появились в результате имплементации Директивы Евросоюза от 21.04.2004 № 2004/39/ЕС о рынках финансовых инструментов.

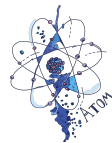
Видимо, не случайно за рубежом все чаще раздаются голоса о том, что индустрия блокчейна, на которой базируется крипто валюта биткоин, восходит к идеям «криптоанархизма»⁹.

Известно, что блокчейн-системы функционируют на принципах саморегулирования, предусмотренных соответствующим программным обеспечением, что, с одной стороны, ставит остро проблему подготовки высококвалифицированных-специалистов, способных создать безупречную и безошибочную сточки зрения программирования информационную систему, способную отразить любые информационные атаки со стороны хакеров. С другой стороны, до сих пор никто не может дать четкого ответа на вопрос: насколько жизнеспособной может быть блокчейн-система для внедрения в имущественный оборот цифровых прав в масштабах экономики всей страны. Как считают специалисты — разработчики блокчейн-плат-форм, технология блокчейн апробирована на относительно небольших системах. Никто не знает, как она поведет себя при масштабировании — внедрении в экономику. Безусловно, говорить о совершенстве и преимуществах блокчейна можно лишь с точки зрения чисто схоластических и умозрительных рассуждений, хотя практика показывает, что и он подвержен жестким атакам со стороны хакеров. Нетрудно представить правовые последствия в случае сбоя в информационной системе¹⁰. Поэтому не случайно все чаще раздаются голоса о том, что блокчейн-технологии — это инструмент для передела собственности.

Блокчейн-технологии могут создать и иные проблемы. Информационная программа составлена таким образом, что доступ к ней имеют все участники, при этом каждый участник программы ничего не знает о ее других участниках. При такой цифровой технологии неизвестен ни статус лица, ни его местонахождение, из-за анонимности участников сложно определить юрисдикцию, т.е. в случае необходимости определения применимого права неминуемо возникают проблемы. Так, до сих пор неизвестно, является «Накамото Сатоши» юридическим или физическим лицом, предложившим в 2008 г. криптовалюту биткоин на блокчейн-платформе.

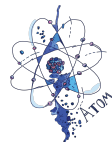
9. URL: <https://www.activism.net/cypherpunk/crypto-anarchy.html> (дата обращения: 01.03.2019).

10. Быков А. Ю. Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. М. : Проспект, 2018. 24 с. ; Макаrchук Н. В. Публично-правовые ограничения использования криптовалют как способ минимизации возможных рисков цифровизации экономики // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 21—24.

Киберпространство и цифровые технологии требуют внятного объяснения в вопросах правовой квалификации транзакций, действий пользователей системы и возникающих между ними отношений. Так, в частности, возникает вопрос: можно ли считать действия пользователей системы по совершению транзакций сделками? Достаточно распространенное в экономической литературе мнение о том, что транзакции имеют сделочную природу, следует оценивать критически. Известно, что в математическом программировании транзакцией считается доступ к информационному ресурсу — базе данных, в результате которого происходит ее изменение (новая цифровая запись как аналог состояния счета клиента-пользователя системы). Если система не распознает цифровой код (приватный ключ) анонимного клиента, она не дает доступа к изменению базы данных, т.е. транзакция системой не подтверждается. Следует обратить внимание, что в блокчейн-системе создан особый механизм (алгоритм), известный в экономической литературе как майнинг, который позволяет избежать ошибки в транзакции. Речь идет об автоматическом, запрограммированном процессе (майнинге) двоичного счисления чисел, длящегося до тех пор, пока пользователь, участвующий в нем, первым не найдет нужное число (код), подтверждающий транзакцию. Система составлена таким образом, что требуется не менее шести (работает принцип «чем больше — тем лучше») подтверждений для перевода криптовалюты или токена. Кроме того, система «отсортирует» транзакции по комиссиям, размер которых определяется исключительно ее пользователями. Если размер комиссии небольшой, пользователь может и не дожидаться подтверждения транзакции. Чем большее число пользователей участвует в операции, тем больше вероятность получения подтверждения транзакции, а следовательно, и больше Майнеров — анонимных лиц, «нашедших» цифровой код. Не правда ли, такой самозарядный механизм напоминает игру в рулетку, совершаемую анонимными пользователями?

Очевидно, что такие «действия» системы сложно квалифицировать как действия физических и юридических лиц, подпадающие под определение сделки по ст. 153 ГК РФ. Следовательно, и отношения в Сети, которые складываются между пользователями в результате подтверждения транзакций, трудно назвать обязательственными. Безусловно, между пользователями складывается не персонифицированная

относительная связь, которая выходит за рамки квалифицирующих признаков гражданско-правового обязательства по ст. 307 ГК РФ. Видимо, назрела необходимость и в пересмотре толкования обязательственных отношений как неформальных, «двухполюсных» отношений между кредитором и должником. Полагаем, что подобным образом следует подходить и к анализу «квазисделочных» действий между анонимными пользователями системы. Направленность их на правовые последствия дает возможность с определенной оговоркой применять к ним нормы о сделках.

Таким образом, российская цивилистика, используя разнообразный арсенал существующих приемов юридической техники, зарубежный опыт регулирования схожих отношений, способна дать ответ на вызовы цифровизации современной экономической жизни.

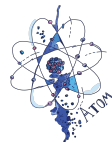
БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брой У. Ш. Блокчейн и кибервалюты: нужна ли новая законодательная база // Право и цифровая экономика. — 2018. — № 1. — С. 13—20.
2. Быков А. Ю. Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. — М.: Проспект, 2018. — 24 с.
3. Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л. [и др.] Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. - 2018. - № 5. - С. 16-30.
4. Макаrchук Н. В. Публично-правовые ограничения использования криптовалют как способ минимизации возможных рисков цифровизации экономики // Право и цифровая экономика. — 2018. — № 1. — С. 21-24.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2019 г.

TOKEN AS A NEW CIVIL RIGHTS OBJECT: ISSUES OF LEGAL
CLASSIFICATION OF DIGITAL LAW

VASILEVSKAYA Lyudmila Yuryevna, Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL), Honorary Worker of Higher
Professional Education of the Russian Federation, Member of the
Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian

Federation liudmila.vasilevskaya@gmail.com 125993, Russia,
Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. The paper is devoted to the study of the new object of civil rights — the token (digital law). The question of the legal nature, civil law regime of digital rights is explored. The norms of the law on the concept and content of digital rights are analyzed. Consideration of a token as a digital method affixing property rights makes it possible to consider it as a certain property value, the legal regime of which is similar to the «valuable rights» (Wertrechte) distinguished in the European continental law of the German type. It is concluded that the token performs several functions in the information system: 1) recognition of the authorized person; 2) a digital unit of the price of the share of a person's participation in a business project, in construction investment; 3) a digital unit of the asset balance of the property of a legal entity; 4) digital equivalent of non-documentary securities; 5) the fulfillment of monetary obligations in digital form; 6) digital means of payment. Existing in the form of a digital entry in the register on the blockchain platform and performing various functions, the token as a fairly flexible digital (primarily

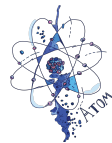
financial) tool allows digital civilian turnover participants to perform digital «transactions» in cyberspace. The question of the possibility of qualifying the actions of users of the information system for making tokens as civil law transactions is analyzed.

Keywords: object of civil rights, digital rights, property rights, method affixing rights, alienation of rights, property turnover, token, blockchain, cryptocurrency, transaction, mining.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Broj U. Sh. Blokchejn i kibervaljuty: nuzhna li novaya zakonodatel'naya baza // Pravo i cifrovaya ekonomika. — 2018. — № 1. — S. 13-20.
2. Bykov A. Yu. Pravo cifrovoj ekonomiki: nekotorye narodno-hozyajstvennyye i politicheskie riski. — M. : Prospekt, 2018. — 24 s.
3. Guznov A., Miheeva L, Novoselova L. [i dr.] Cifrovyye aktivy v sisteme ob»ektov grazhdanskih prav //Zakon. — 2018. - № 5. - S. 16-30.
4. Makarchuk N. V. Publichno-pravovyye ogranicheniya ispol'zovaniya kriptovalyut kaksposob minimizacii vozmozhnyh riskov cifrovizacii ekonomiki // Pravo i cifrovaya ekonomika. — 2018. — № 1. — S. 21—24.

Василевская Людмила Юрьевна "Токен как
новый объект гражданских прав: проблемы..."

© Василевская Л. Ю., 2019